

Юрий Иванович

Мария-Изабель

*Часть сборника
Земля в иллюминаторе (сборник)*

Юрий Иванович
Мария-Изабель

«ЭКСМО»

2001

Иванович Ю.

Мария-Изабель / Ю. Иванович — «Эксмо», 2001

«Мария-Изабель была закоренелой реалисткой и страшно этим гордилась. Почти все действия в ее жизни были плодом глубоких и тщательных размышлений, в которых приоритетную роль играли необходимость, возможность и целесообразность. Марии совершенно несвойственны были какие-либо мечтания о чуде, упования на судьбу или счастливый случай. Никогда не позволяла себе даже думать на тему: повезет или не повезет. Во всем только здравый смысл и конкретные, вполне осуществляемые действия...»

© Иванович Ю., 2001

© Эксмо, 2001

Содержание

*****	6
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Юрий Иванович Мария-Изабель

© Иванович Ю., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Мария-Изабель была закоренелой реалисткой и страшно этим гордилась. Почти все действия в ее жизни были плодом глубоких и тщательных размышлений, в которых приоритетную роль играли необходимость, возможность и целесообразность. Марии совершенно несвойственны были какие-либо мечтания о чуде, упования на судьбу или счастливый случай. Никогда не позволяла себе даже думать на тему: повезет или не повезет. Во всем только здравый смысл и конкретные, вполне осуществляемые действия.

Единственное, что она категорически считала неприемлемым для достижения поставленных целей, так это использование своей привлекательности и своего красивого тела. Даже наоборот. Если кто-нибудь из мужчин во время деловых переговоров начинал намекать, что, мол, все бы решилось намного проще и быстрее, если бы они вечером встретились и выпили по чашечке кофе и «мило поболтали» в непринужденной обстановке, Мария-Изабель превращалась в мстительную ведьму. И не успокаивалась до тех пор, пока изрядно не насаливала незадачливому ухаю.

Это несколько не говорило о том, что секс ей не нравился и она его отрицала. Как реалистка она понимала: секс необходим женщине и физически, и морально. Без него невозможны полноценное развитие и существование здорового и желающего таковым остаться организма. К тому же, как человек с нормальной психикой, она всегда хотела иметь мужа, детей, свою семью. Характер и образ будущего супруга у нее уже были намечены с самого детства – добрый, веселый, любящий и только мой. Став постарше, она узнала расхожее мнение: если жена не устраивает мужа в постели, тот идет либо к проституткам, либо ищет связи на стороне. А этого она не хотела категорически. Ей шел восемнадцатый год, когда один из ее старших друзей, известный ловелас, в шутку предложил дать уроки сексуального образования и был очень приятно удивлен ее согласием. «Ученица» оказалась такой одаренной и старательной, что «учитель» бросил свою жену, своих любовниц и ползал на коленях у ее дверей, умоляя выйти за него замуж. Но это было не то. Мария-Изабель считала, что муж должен быть только ее. И ни в коем случае не бывший в употреблении. К тому же надо было устраиваться в жизни и делать карьеру. Замужество ею было запланировано на тридцати-, тридцатидвухлетний возраст. Поэтому она безжалостно отбросила предложения о браке, как, впрочем, и всякие отношения со своим первым любовником. А чтобы в дальнейшем не возникало подобных осложнений с мужчинами, она выбрала своеобразную и очень расчетливую тактику. Подбирала партнеров для постели только женатых и только очень боящихся своих жен. Два-три раза в неделю, по несколько часов, вполне хватало для Марии, чтобы содержать свой организм чувственным и здоровым. Если же партнер терял голову и начинал мямлить о более продолжительных встречах или тем более о сожительстве, она его безжалостно «отшивала» и без больших усилий всегда находила адекватную замену.

И делала карьеру. И к тому же в очень нелегкой, не сулящей быстрых и больших доходов деятельности. Огромная конкуренция и большие предложения никому и никогда не давали почить на лаврах или сделать перерыв. А потом без усилий снова вернуться на прежнее поприще и продолжать работать, как и прежде.

Нет. Надо было работать каждый день, почти без выходных. Скрупулезно и тщательно разрабатывать старое и уверенно, но с оглядкой делать новое.

В отличие от большинства людей, порой всю жизнь мечущихся в поисках своего призвания, для Марии никогда не вставал вопрос: «Кем быть?» Только модельером! Только создавать и шить то, что украшает, защищает и радует любого человека. Творить одежду! Она увлекалась шитьем одежды с самого детства. После занятий в школе часами просиживала за машинкой, стараясь сшить, долго и предварительно продумываемые и детально раскраиваемые самые

различные виды одежды. И у нее получались превосходные вещи. Подруги всегда откровенно завидовали ее шикарным блузкам, юбкам, платьям и брюкам, в которых ее и без того очаровательный вид получал особый лоск, опрятность и довольно-таки впечатляющую шикарность.

Но свои первые деньги на этом поприще она, как ни странно, заработала на мужских рубашках. Ей удалось придумать новую и вполне оригинальную модель, которая ознаменовала начало коммерческой деятельности и принесла средства для постепенного увеличения производства. Первый экземпляр своего труда Мария кроила, шила и переделывала целых три дня. А на четвертый день, на Растро, самом большом базаре Мадрида, состоялась премьера. Она встала в длинном ряду продавцов всякой всячины и, держа рубашку просто в руках, даже без плечиков, заломила за нее совсем несусветную цену. При этом она руководствовалась вполне реальными рассуждениями. Первое: если рубашкой будут очень интересоваться, то надо изучить этот спрос подольше, нет смысла продавать изделие быстро, пусть даже с солидной выгодой. Второе: если же не купят и не заинтересуются, то надо работать дальше по усовершенствованию, а первая модель всегда продается по цене, покрывающей расходы на ее даже не создание, а просто шитье и материалы.

Поэтому она даже не обрадовалась, а сильно расстроилась, когда в первую же минуту к ней подошел солидный мужчина крепкого телосложения и спросил:

– Есть мой размер?

– Увы! – Мария притворно вздохнула. – Только этот размер: 48–50.

Покупатель в задумчивости почесал подбородок, разглядывая швейное творение, и вдруг воскликнул:

– О! Как раз на моего сына! Сколько?

Она выпалила цену, которая, по ее мнению, должна была если не отпугнуть, то заставить задуматься любого, и перестала дышать. А в ответ услышала:

– Заверните!

Трясущимися реками сложила рубашку в кулек, получила деньги и чуть не расплакалась, глядя в спину удаляющемуся мужчине. Как же так! Шила, старалась, хотела узнать мнение покупателей о своей модели, а ее совершенно никто не видел!

Уже потом, дома, успокоившись, она стала рассуждать более здраво. Во-первых, покупатель был очень респектабельный. Он был превосходно одет, чист и опрятен. Такой знает, что покупает, и не возьмет что-либо импульсивно и необдуманно. Во-вторых, рубашка, хоть и по космической цене, все-таки продается и к тому же, мягко говоря, очень быстро. И, в-третьих, с одной рубашкой на рынок не выходят!

Поэтому она тут же села и по уже готовым закройкам сшила еще пять.

На следующий день они улетели за десять минут!

Почти не спав, она сшила еще двадцать рубашек. Продались за полчаса!

После бессонной, каторжной недели Мария-Изабель предстала перед выбором: нанимать людей, задумав в дальнейшем создавать предприятие, или оставаться работать одной, сугубо индивидуально и тогда отказаться сразу от попыток производить крупные партии изделий по невысоким ценам и пользующимися повышенным спросом. Решила: нанимать!

Купила еще один оверлок и посадила за шитье одну из знакомых швей, которая работала в ателье, но была недовольна мизерными заработками. У Марии она стала зарабатывать в четыре, пять раз больше.

Еще через неделю у нее работало три швеи. Встал вопрос о раскройщике. Невероятное количество времени уходило на нарезку ткани хоть и острыми, но все-таки ножницами. Как назло, не удавалось купить электронож для кройки. Но один из старых швейников подсказал оригинальную идею: можно кроить пятьдесят-шестьдесят слоев материи длинным острым ножом, пропущенным в щель раскройного стола. Дело пошло полным ходом.

Через три месяца уже было задействовано двенадцать швей! Мария сама успевала вечером раскроить материал, поздней ночью упаковать рубашки в сумки, с самого утра занять место на базаре и до обеда почти все распродать. По дороге домой она покупала комплектующие и снова в цех, под который был переоборудован неиспользуемый гараж отца. Глажка и укладывание продукции в кулечки входили в обязанности швей.

Правда, конкуренция есть всегда. Соседи по базару, заметив огромные очереди к столику Марии, стали тоже интересоваться рубашками. И после небольших наблюдений покупали для образца, распарывали для выкроек, подыскивали адекватные материалы и начинали «шлепать» подобную продукцию. Но...

К тому времени, когда они выставляли свою продукцию на рынок, у Марии было огромное преимущество в ассортименте, цвете и, пожалуй, самое главное, в размерах. Она сразу же, с первого дня, поняла, как важно иметь самые разные размеры. Ведь тогда покупатель всегда будет иметь выбор и не только при покупке на себя лично. И если у конкурентов были рубашки только самого ходового размера 48–50, ну в лучшем случае еще 46-й и 52-й, то у Марии были размеры от 36-го (!) до 62-го (!). Очень часто покупатели, выбрав одну рубашечку для мальчонки, брали тут же такую же для старшего брата; подумав – для папы; вспомнив – для дяди; а потом, решившись, еще для нескольких родственников. А сколько рубашек было куплено для девчонок! Мария-Изабель их честно предупреждала: это мужские, но было бесполезно отговаривать юных особей женского пола. Зато как потом приятно было увидеть на улице молодую девчонку, щеголяющую в рубашке, созданной твоими руками. Особенно если ткань плотно обтягивала на груди волнующие округлости, так притягивающие взгляды каждого парня (да и мужчин более старшего возраста).

Эти-то наблюдения и натолкнули Марию на создание простейших трикотажных маечек, а потом и платьев для женщин. Эта продукция у нее вообще поначалу давала до четырехсот процентов прибыли!

Потом были шорты, брюки, блузки, даже целые костюмы. Через год в штате стали работать две способные модельерши, помогавшие Марии в изготовлении и доводке новых моделей.

Через два года у Марии-Изабель была уже собственная солидная фирма. Она уже не продавала сама на базарах, хотя и проходила по ним два-три раза в неделю, пытаясь высмотреть что-то новенькое. К ее офису стояла постоянная очередь из машин владельцев магазинов, оптовых покупателей и лоточников. И каждый наперебой пытался заполучить очередную партию товара.

Теперь Мария делала ставку на качество, подгоняя свою продукцию под самые высочайшие стандарты и требования. И это давало свои результаты. При переполненном предложением рынке стало почти невозможно всучить заказчикам суррогат или несовершенное изделие. Да и любой продавец отдавал предпочтение отлично сшитым одежам, зная, не сегодня, не завтра – так через несколько дней оно обязательно продается.

И в такой постоянной, повседневной работе, не оставляющей для личной жизни почти ни одной минуты свободного времени, Мария-Изабель достигла двадцатишестилетнего возраста.

Все шло прекрасно, все шло по плану. До намеченного замужества было еще далеко, выполнение задуманного осуществлялось вполне реальными методами, и обдумывание близлежащих задач проходило все в той же предварительно-продуманной расчетливости и целесобразности. Только так! Никаких сомнений и колебаний, никаких упований на судьбу и счастливый случай. Чудес не бывает, не должно быть!

Но чудо случилось! Единственное и непредсказуемое, таинственное и загадочное.

Оно началось в послеобеденное время, когда Мария-Изабель вышла из своего офиса. В голове царил неразбериха из различных деталей одежды, которые она в течение нескольких последних часов пыталась привести в некую единую форму, сидевшую глубоко в подсознании. В глазах рябило от перекрещивающихся линий и пунктиров. Бессмысленным взглядом

она бессознательно стала высматривать свою машину, припаркованную где-то рядом. Поэтому даже отшатнулась, когда поняла, что прямо перед ней стоит мужчина и с напряжением вглядывается в ее лицо.

Да, он был красив! Высокий, стройный, отличного телосложения и со слегка вьющимися каштановыми волосами, уложенными в идеальную прическу. Чисто выбритое лицо украшали выразительные глаза, ямочки на щеках и округленном подбородке. И совсем не портил нос с небольшой горбинкой. Его чувственные губы слегка задрожали, когда он спросил:

– Мария-Изабель?

– Да! – она совершенно ничего не понимала.

– Здравствуй... – он хотел что-то добавить, но потом неожиданно выпалил: – Ты еще не замужем?

– А какое это имеет значение? – насторожилась Мария.

– Сколько тебе лет? – услышав в ответ возмущенное фырканье, мужчина, жадным взглядом ощупав ее лицо и шею, констатировал: – Двадцать шесть, максимум – двадцать семь.

– Ну, знаете ли! – она возмутилась не так самим вопросом, как правильно угаданным возрастом.

– Значит, не замужем?! – радостно воскликнул он и тут же перешел на совершенно иной, деловой тон: – Разрешите представиться, Хоссе. Хотя боюсь, что мое имя для вас пока пустой звук, ведь вы меня еще не знаете.

– А вы, значит, меня знаете? – с нескрываемым сарказмом спросила Мария.

– Да как сказать?... – он прям-таки съедал ее взглядом. – Не совсем, конечно... Но... Очень многое! Вот, например. Разрешите вам вручить ваши любимые! – с этими словами он поднял с тротуара огромную корзину с большущими белыми розами. Лицо Марии искривилось в презрительной усмешке:

– Увы! Я не люблю цветы!

– А вот и неправда! Любите! – с удивляющей твердостью заявил мужчина, одновременно поднимая корзину повыше. – Только не любите вы срезанных цветов, а любите живые, растущие.

Она, как под гипнозом, посмотрела на стебли цветов, каждый из которых рос из квадратной пластиковой коробочки. И коробочки были поставлены друг на друга в шахматном порядке чуть ли не в три слоя на всей глубине корзины. Цветы были выращены так искусно, что создавалось впечатление, будто они срезаны и уложены в прекрасный букет.

Мария похолодела. Об этом никто не мог знать! Ну, почти никто! Да, она не любила срезанных цветов, но и никогда никому об этом вроде бы не говорила. Вполне резонно рассуждая, что людей от этого не отучишь, а ее возражения будут неправильно поняты и истолкованы. А уж о том, что она любит розы? Да еще именно белые? Она даже испугалась и сделала шаг назад. Мужчина улыбнулся и, как бы угадав ее мысли, проговорил:

– Да ты не бойся, со временем я тебе все расскажу. Просто знаю, какая ты реалистка и как отнесешься к моим сказкам и небылицам. – И поставил корзину обратно на тротуар. Потом просительно сложил ладони вместе: – А пока давай просто приятно проведем вечер. Ты ведь устала? И тебе совершенно не помешает хорошенько отдохнуть.

– Да, конечно! Но... – она хотела возмутиться тем, что какой-то незнакомец увидел на ее лице усталость и пытается распорядиться ее временем.

– Поэтому предлагаю пойти развлечься в парк аттракционов! – быстро проговорил он, перебив ее возражения.

Это был ход конем! Это было даже как-то нечестно. «Может быть, он умеет читать мысли? – подумала Мария, пристальнее вглядываясь в лицо собеседника. – Или он действительно меня знает или изучил так хорошо, что прекрасно осведомлен, от чего я не могу никогда отказаться!» В парк аттракционов она хотела пойти всегда и дала себе слово никогда не

отказываться от подобного предложения, от кого бы оно ни исходило. Она до безумия любила качели, карусели, русские горки, но тоже никогда никому не признавалась. Считала, что пусть мужчины сами додумываются. А они как назло приглашали ее куда угодно: в рестораны, кино, театры, в постель, в цирк, в различные путешествия и даже на работу, но только не в парк аттракционов! И вот впервые в ее жизни наконец-то кто-то додумался пригласить ее в этот мир детских снов и воспоминаний. Она безнадежно махнула рукой и спросила:

– Хоссе? – он утвердительно кивнул головой. – Вы знаете, что я не откажусь? – Он закивал головой не переставая. – А может, мне надо переодеться? – Он замотал головой в стороны. – Ну, тогда больше не вижу причин отказываться от вашего предложения.

– Ур-ра! – выкрикнул Хоссе во всю глотку, и губы его расплылись в радостной улыбке. Потом посерьезнел, стал в позу актера и жеманно произнес:

– Надеюсь, вы никогда не пожалеете о принятом решении!

– Время покажет! – философски изрекла Мария.

И время показало: не жалела и никогда не пожалеет.

Какой это был вечер! Фейерверк радости, счастья, веселья и развлечений.

Хоть в самом начале какой-то червь сомнения и пытался ей испортить настроение. Он стал нашептывать: «Нереально это все! Что-то здесь не так, так не бывает и не должно быть!» Но Мария яростно его растоптала, мысленно выкрикивая: «Раз я все это вижу и слышу, значит, все реально! Мне это нравится – значит, это хорошо! Если хорошо, значит, мне это необходимо! И раз я дала слово – никогда не отказываться от подобного предложения, от кого бы оно ни исходило, я это слово сдержу: иначе сама себя уважать перестану! И баста! Веселимся!»

И как она веселилась! Визжала, как малолетка, на всех поворотах, спусках и падениях. Подвывала от страха и удовольствия в замках страха и в фонтанах брызг падающих в пропасть лодок и баркасов. Громко хохотала как ненормальная, когда в небольших очередях к следующим аттракционам Хоссе без умолку болтал милую и интересную ерунду, рассказывал уморительные анекдоты, с большим юмором подмечал у окружающих их манеры поведения, какие-то несуразности в деталях одежды. Чем, кстати, немало удивил Марию:

– Может быть, ты модельер?

– Увы! Но... – он сделал многозначительную паузу: – Благодаря тебе немножко разбираюсь в этих вопросах.

Но в своей памяти Мария восхищенно отметила: «Видно, специально изучал, чтобы мне больше понравиться!»

А то, что Хоссе ей нравился с каждой минутой все больше и больше, было несомненно. Как он чувствовал каждое ее желание! Как он мог аккуратно и бережно подать руку! Как трепетно и ласково он придерживал ее под локоть. Иногда, в сутолоке, он брал ее рукой за плечо и незаметно отодвигал в сторону от проносившихся мимо расшалившихся и веселящихся посетителей. Она постепенно почувствовала возле него полнейшую безопасность, постоянную защиту и внимание. Ей не надо было ни о чем думать. Он умудрялся предугадывать все ее желания и заранее знал, что она захочет в следующую минуту. Стоило ей взглянуть на что-то новое, как она замечала, что они уже стоят в очереди или входят в аттракцион. Достаточно было облизать пересохшие губы, как Хоссе тут же подавал ее любимое мороженое или обожаемый ею «Спрайт». Этому Мария даже не удивлялась, подумав, что уж эти-то мелочи для него совсем нетрудно было узнать.

Но когда стало темнеть и зажглись фонари, Мария, пожалуй, впервые в своей жизни стала отрываться от реальности. Виной тому были все учащающиеся прикосновения мужчины, которого она знала всего несколько часов, так ничтожно мало времени, необходимого для того, чему, как она про себя решила, предопределено было случиться.

Ее стало бросать то в жар, то в холод. Когда Хоссе дотрагивался как бы невзначай то к руке, то к плечу, то к талии, ей сначала даже было стыдно от той приятности, которая возни-

кала при этом во всем теле. Но постепенно внутри все начало закипать, затрудняя даже иногда дыхание. Разумом ей уже хотелось непрерывного ощущения его руки, и постепенно это желание стало распространяться и на все тело.

Пред самым закрытием парка ее воля и чувство реальности сделали отчаяннейшую попытку ужаснуть заблудившееся сознание окружающей обстановкой. Она остановилась, как вкопанная, пытаясь прислушаться к борьбе, вспыхнувшей внутри нее.

Но Хоссе... Он как бы уловил момент колебания и сомнения и, положив сзади руки на плечи Марии, стал нежно целовать между лопаток и в шею. Она внешне только чуть поежилась, но внутри все тело заколотилось в ознобе: такого удовольствия ей не доставлял никто и никогда в жизни.

Как она потом сама рассказывала Хоссе: «Обладать тобой там же и тогда же мне мешали снующие в разные стороны толпы посетителей. Я испугалась: они же нас растопчут!» На что он отвечал с веселой уверенностью: «Вот видишь! Ты и тогда продолжала думать реально и трезво!»

Потом они ехали в такси к ней домой, и Мария всю дорогу держала его руки в своих. Она не боялась, что он исчезнет, она просто не давала к себе прикасаться! Он что-то рассказывал, она отвечала, он радостно смеялся, о чем-то рассказывая, она бессмысленно улыбалась. Она смотрела прямо на него, но ничего не видела. В мозгу неотступно была только одна мысль: «Далеко ли еще до дома?» Она старалась этого не показывать, отсчитывала в уме каждую улицу, каждый поворот. Осталось три перекрестка! Теперь уже два! Что это? Светофор! Ну надо же, красный!» Она с досады чуть не прокусила губу и на обеспокоенный вопрос: «Что с тобой?» отрицательно замотала головой, повторяя: «Ничего, ничего! Все хорошо! Ничего, ничего! Все хорошо!» На последних метрах Хоссе все-таки не на шутку встревожился и постарался высвободить свои руки. Встретив отчаянное сопротивление, он успокоился немного только после ее слов: «Умоляю! Не делай ничего, пока мы не зайдем домой!»

«Я даже испугался! – рассказывал он через какое-то время. – Мне казалось, ты выскочишь из машины чуть ли не на ходу и убежишь, исчезнешь и никогда уже не отыщешься!» – после этих слов он всегда целовал руки Марии до самых плеч быстрыми нежными поцелуями и, прикасаясь губами к ямочке на прелестной шейке, добавлял замирающим голосом: «Но если бы я знал, с какой страстью ты на меня накинешься в своей квартире, то испугался бы еще больше!»

И была ночь! Мария-Изабель, никогда ранее не употреблявшая в своей жизни подобных сравнений, называла ее не иначе как «сказочная ночь!»

Конечно, потом у нее с Хоссе бывали и более приятные нюансы в любовном интиме, но тогда...

Всего было так много, так ласково-нежно, так яростно-страстно, так обоюдно-желанно и так упоительно-красиво!

Под утро ей даже пришла в голову шальная мысль, что у них так все получается потому, что они жили до этого лет двадцать вместе, а потом лет десять не виделись. И вот встретились!

«Сама себя не узнаю! – внутренне удивилась Мария. – Пытаюсь найти объяснения необъяснимому с помощью каких-то нереальных фантазий». А тут ее поддержал еще и будильник, неожиданно известивший, что надо идти на работу. Сказка сказкой, но работать-то надо.

Она удобно улеглась у Хоссе на груди и, нежно покусывая его за подбородок, спросила:

– У тебя есть сегодня какие-нибудь дела?

– Кроме тебя, никаких! – он провел, едва касаясь, кончиками пальцев от самых бедер по всей спине Марии. Она содрогнулась от удовольствия:

– Не делай так, а то останусь дома!

– Так я на это и надеюсь!

– Нет! – она решительно соскочила на пол и отступила на два шага от кровати. – Так нельзя! Мне необходимо быть на работе! – ей правда самой не было ясно: кого же она убеждает в первую очередь. Но Хоссе смиренно вздохнул:

– Я знаю. В этом тебя не переделаешь.

– А ты чем будешь заниматься?

– Ждать тебя здесь. Или хочешь, чтобы я пошел с тобой на работу?

– Нет, нет! – Мария смутилась. – Я не в том смысле, что ты мне будешь мешать. Просто при тебе я ничего не смогу сделать.

– Ты так убедительно говоришь, что мне ничего не остается, как поверить... и остаться здесь до твоего прихода.

– И ты никуда не уйдешь? – с подозрением спросила Мария.

Хоссе резко вскочил с кровати и, притянув ее за руки, усадил к себе на колени:

– Дорогая! Если бы ты знала, как долго я к тебе шел, ты бы подобного не спрашивала! – а потом, сменив тон на шуточный: – Или я похож на ветреного жигана, разбивающего сердца и бесследно исчезающего с первыми лучами солнца?

Она, неотрывно глядя ему прямо в глаза, очень серьезно ответила:

– Не знаю. Но очень хочу верить, что нет! – потом выскользнула у него из рук и добавила:

– Отдыхай, делай, что хочешь... Я постараюсь освободиться пораньше.

– Может, я сварю кофе? – неожиданно предложил Хоссе.

– А сумеешь?

– О, сеньорита! Поверьте, я буду очень стараться! Разрешите хоть как-то прогнуться и отблагодарить вас за то, что приютили на ночь бедного, одинокого странника и...

– Ладно, ладно! Разрешаю! – смеясь, перебила Мария.

Пока она принимала душ и одевалась, Хоссе возился на кухне, и оттуда раздавался звук чего-то жарящегося на сковородке. Когда Мария появилась у стола, на нем стояли чашка с кофе и тарелочка с приятно пахнущим парующим содержимым. Возле тарелки аккуратно были разложены вилка, нож и салфетка. Но удивило Марию совсем другое:

– Откуда ты знаешь, что это моя любимая кружка?

– Мне было бы стыдно чего-то не знать о моей любимой женщине! – последовал высокопарный ответ.

– Когда же ты все успел узнать? – поинтересовалась Мария, пробуя кофе. И замерла: такой кофе готовила только она сама и почти всегда только для себя. Взгляд ее бросился к мойке, где уже стояла та же посуда, которую обычно она сама использовала.

– Ну, знаешь ли!.. – с изумлением протянула она. – Ты что, с самого детства за мной следишь?

Хоссе досадливо взъерошил волосы на голове. В ее переднике на голое тело он выглядел, как милый клоун, сбежавший из женского пансионата:

– Ну, видишь ли, дорогая! Это так долго рассказывать... Но если ты хочешь, я готов!

– Ну нет! Если долго, то лучше потом. Ты мне лучше скажи, что это за блюдо так вкусно пахнет?

– А, это, – оживился Хоссе, – твое любимое, лече называется.

Мария нахмурила брови:

– Как же оно может быть моим любимым, если я его никогда не пробовала?

– А ты попробуй! – он уселся на другой стул и, подхватив на вилку то, что приготовил, протянул к ее ротику. Мария покорно вздохнула и съела предложенное. Распробовав, похвально хмыкнула: – О! Очень даже ничего! И что, много тебе еще известно подобных прелестей, которые я люблю, но совершенно о них не знаю?

– Ну... – заулыбался Хоссе, довольный произведенным впечатлением. – Я постараюсь не раскрывать подобные секреты сразу, а буду растягивать на возможно большее время. Ведь если ты захочешь вкусенького, то, возможно, лишний раз меня за это приласкаешь?

– Да ты, оказывается, шантажист! – притворно возмутилась Мария.

– Увы! – Хоссе тоже притворно застыдился, теребя краешек фартука, чудно смотрящего на его, мягко выражаясь, не совсем лысых ногах. – На что только не пойдешь, чтобы удержать возле себя любимую женщину.

– Ну, я тебя не покидаю, – успокоила Мария, с аппетитом доедая лече. – Я просто иду на работу! – запила кофе. – Как вкусно! Не знаю, как и благодарить...

– Знаешь, знаешь... – вкрадчиво заговорил Хоссе, поглаживал ее колени.

– Вечером! – строго скомандовала Мария, отводя его руки в стороны. Потом нежно добавила: – Поверь, мне тоже не хочется уходить, но...

– Мне ничего не остается, как только верить вам и ждать! – продекламировал Хоссе, глядя на Марию влюбленными глазами.

Мария выскочила на улицу, охваченная трепетным возбуждением. Ну, надо же! Еще чуть-чуть, и она бы не пошла на работу. Неужели было мало целой ночи? Ну, конечно, мало, ничтожно мало!

Прохладный утренний воздух приятно освежал все тело, и она стала понемногу успокаиваться. Машина осталась возле работы, и надо было ехать на метро. Но почему бы не пройтись одну остановку пешком? Заодно и попробовать трезво оценить все с ней происшедшее.

Хоссе. Кто он? Мария только сейчас сообразила, что совершенно ничего о нем не знает. Где живет, откуда родом, кто есть из родных? Мысль о том, что он женат и имеет семью, Мария почему-то отвергла сразу. Чем занимается? Каковы его увлечения? Что делал в прошлом? Какова его профессия? Столько вопросов! И ни одного она не удосужилась ему задать. Как это на нее не похоже! И откуда он знает так много о ней? Она стала в подробностях вспоминать все те детали, мелочи, которые произошли между ними, и услуги, которые оказывал ей Хоссе. Выходило, он знал о ней столько, как она сама, ну, по крайней мере, более, чем кто-либо из друзей или родных. Мало того! Он знал то, чего даже не знала о себе сама Мария! Как он поцеловал ей спину, там, в парке! Ведь он наверняка знал, что ей понравится. А это утреннее лече! Мария всегда с подозрением относилась к новым кушаньям, а ведь он уверял, что это ее одно из любимых блюд. Мария вспомнила вкус и аромат съеденного ею на завтрак. Да, он прав! Теперь лече навсегда станет украшением ее праздничного стола.

Ну и самое главное – секс. То, что они вытворяли в постели, можно было бы назвать постоянным оргазмом. Мария даже представить себе не могла подобного прежде. А ведь в основном Хоссе был инициатором всех ласк и любовных игр; и он превосходно чувствовал, а, скорее всего, даже знал, как отреагирует ее тело на то или иное. Неужели он такой опытный ловелас? Мария вдруг с острой ревностью подумала о тех женщинах, с которыми Хоссе, возможно, встречался раньше. «Все! – твердо решила Мария. – Вечером никакого секса, пока он все о себе не расскажет! Почему я должна в рабочее время все сама додумывать?! Кстати! Работа!!!» Она взглянула на часы и обомлела. Через две минуты она должна уже быть в офисе! Задумавшись, она прошла больше, чем две остановки, и уже было невозможно вовремя попасть на работу. Какой кошмар!

Она бросилась ловить такси, и в безуспешных попытках прошло минут пять. Потом пробки, оживленное движение, светофоры, пешеходы.

В итоге она впервые в жизни опоздала на работу. На целых 23 минуты! Зато какую бурю она там устроила! Отчитала за что-то секретаршу, возмутилась по поводу якобы не прибранных помещений, как шторм, прокатилась по всем цехам, выискивая, внушая, ругаясь и даже угрожая кое-кого наказать, как положено. Досталось всем. Ну, почти всем. Когда она с супер-боевым разгонным настроением ворвалась в кабинет начальника охраны и попыталась и там

навести порядки, тот, спокойно отложив газету с футбольными новостями в сторону, взглянул на пенящуюся Марию поверх очков, съехавших на нос, и спокойно произнес:

– Ты что, малышка, влюбилась?

Начальником охраны работал ее родной дядя Альфонсо. Бывший полицейский, несколько лет назад ушедший на пенсию и прекрасно справлявшийся со своими теперешними обязанностями на фирме любимой племянницы. Он знал Марию с детства, очень ею гордился и, естественно, нисколько не боялся. Не дождавшись ответа от раскрасневшейся директрисы, он констатировал:

– Это не значит, что надо мешать работать другим!

– Извини, что помешала тебе читать газету! – съехидничала Мария.

Но дядя Альфонсо в долгу не остался:

– Я, по крайней мере, на работу не опаздываю!

И, ухмыляясь в усы, поглядел вслед выскочившей Марии. А та, действительно пристыженная, вдруг моментально успокоилась и, проходя в свой кабинет, мило улыбнулась своей секретарше и даже извинилась за шум и гам, ею учиненные, сославшись на плохое настроение.

У себя она попыталась сосредоточиться на работе, недоделанной накануне, и стала перебирать выкройки и рисунки, в беспорядке разбросанные по столу. Но в голове было совсем другое. Хоссе! Что он сейчас делает? Она вспомнила его страстные объятия, и ей стало невыносимо жарко. Поспешно открыв окно, она попыталась несколько раз глубоко вздохнуть, как неожиданно в голову пришла другая мысль: «А если он уже ушел?»

Дрожащей почему-то рукой набрала свой домашний номер телефона. Никто не отвечал! Еще раз! Опять никто не берет трубки! Еще и еще она зажигала повтор вызова – но безрезультатно!

Никому ничего не сказав, вышла с фирмы и бросилась к своему авто. И помчалась домой. А в дороге вообще додумалась до абсурда: «А если он вор?! Ведь есть же преступные группы, которые работают в подобных направлениях. Они тщательно изучают намеченную жертву, узнают все ее вкусы и привычки, подсылают красавчика, могущего вскружить голову любой женщине, а потом спокойно, в ее отсутствие, обчищают всю квартиру. Ах, какая же я дура! Господи! Ну, надо ж так было влипнуть! И ведь он еще был уверен в том, что я обязательно пойду на работу, он знал, что я не могу не пойти! Так мне и надо! Всю жизнь презирала подобных безмозглых куриц, а сама-то!!! Головой думать надо, а не...!!!»

Мария резко затормозила, чтобы не сбить какого-то мужичка, неспешно бредущего через улицу по пешеходному переходу. Высунувшись из окна, она нервно выкрикнула:

– Эй, клоун! Чего ползешь! Это улица, а не парк! Хочешь еще пожить немножко – побыстрее шевели ходулями! Козел! – И объехав пешехода, дала полный газ, а тот ошеломленно посмотрел ей вслед, глянул себе под ноги, на «зебру» и потом долго еще возмущенно что-то выкрикивал и крутил пальцами возле висков.

Забежав в подъезд, Мария даже не стала дожидаться лифта, а взбежала по лестнице на четвертый этаж. Немного отдышавшись, тихонько открыла дверь и прислушалась. Все было тихо. Она осторожно прошла по коридору и вошла в спальню. С трудом подавила шумный выдох облегчения, вырвавшийся у нее из груди. И даже с удивлением заметила за собой, что всхлипывает.

Хоссе спал совершенно нагой, раскинувшись чуть ли не по всей кровати. Лицо, обращенное к окну, было спокойным и светлым, и на нем даже запечатлелось некое подобие счастливой улыбки.

Боясь шелохнуться, Мария минут пять умильно наблюдала за мужчиной, которого она знала менее суток. Вернее, не знала совсем. Но почему-то была уверена, что этот мужчина уже стал для нее самым родным, близким и желанным во всем огромном мире, да и во всей Вселенной.

Она поискала взглядом телефон и увидела лишь шнур, торчащий из-под большого теплого одеяла на полу. Они ведь ночью его сбросили за ненадобностью и прямо на телефон, звонок которого и так был настроен на минимальную громкость.

Ругая себя в душе за безалаберность, Мария с большой осторожностью освободила телефон, заодно добавив звонку громкости. На цыпочках вышла из спальни, прошла по коридору и улыбнулась, увидев входную дверь открытой: «Пока одного вора ловила, другие могли все из квартиры вынести... вместе со мной, душой несусветной!»

Аккуратно, чтобы не хлопнуть замком, закрыла дверь, постояла с минуту, бессмысленно пялясь на деревянную облицовку, сделанную под дуб, и вдруг вспомнила, что у нее есть внутренний замок, который закрывается только снаружи. Поспешно нашла ключ и, провернув несколько раз, удовлетворенно хмыкнула. Потом нажала кнопку вызова лифта и замерла. «Да что ж это я делаю?! – ее словно током ударило. – Видно, не в порядке что-то с моими мозгами!» Вся горя от стыда и страшно на себя за это злясь, вернулась к двери и открыла внутренний замок.

«Если убежит – пусть бежит! – думала в машине, уже не спеша возвращаясь на работу. – Если вор, пусть все уносит! Но так, как я себя веду, вести нельзя! Столько работы, а я скитаюсь по городу! – потом улыбнулась: – Недаром правда: увидела, как он спит! Но работать-то надо!»

Вернувшись в офис, она решила не звонить домой до конца рабочего дня. И даже сумела переключиться на работу, постепенно приводя в порядок свои эскизы моделей.

Но телефон на ее письменном столе, о котором не знали ни заказчики, ни клиенты, ни коллеги, вдруг зазвонил перед самым обедом. Рассмотрев высветившийся на определителе номер своего квартирного телефона, Мария не в силах была остановить руку, которая сама схватила трубку.

– Дорогая, привет! Я бешено по тебе соскучился! – кричал Хоссе в телефон радостным и энергичным голосом. – Мне кажется, я тебя сто лет уже не видел!

– Привет... Дорогой! Я тоже соскучилась, хотя не видела тебя намного меньше времени. – Ей стало тепло, хорошо и спокойно на душе, и она подумала, что уже никогда, наверное, в жизни не будет волноваться по поводу Хоссе.

– Я уже выспался, побрился, оделся и звоню тебе по поводу предстоящего обеда. Через минуту выхожу и через полчаса жду тебя у офиса. В обеденный перерыв, я думаю, имею право на твое внимание?

– Конечно, имеешь! Но ты мне лучше скажи: откуда знаешь этот номер телефона?

– Солнышко! До моего выхода осталось десять секунд. Хочешь спросить что-нибудь посущественней?

– Да нет вроде.

– Тогда крепко целую и до скорого!

Был обед и был легкий ужин, а потом снова бурная и страстная ночь, полная огня, сладких стонов и упоительного экстаза. И еще один обед с ужином и еще ночь. Но уже не выдерживал организм Марии такого долгого бодрствования. Разум противился сну, но тело требовало отдыха, и посреди ночи она крепко заснула, прижавшись к Хоссе как можно большим количеством клеточек своего тела.

Она и проснулась утром в той же сладкой позе и, сонно прищурив глаза от первых солнечных лучей, падающих в спальню, взглянула на своего любимого.

Хоссе не спал. Широко открытыми глазами он неотрывно смотрел на нее, лаская и глядя взглядом ее тело. В то же время он боялся даже шевельнуться, вероятно, не желая ее разбудить.

– Ты почему не спишь? – Мария капризно сложила губки, подставляя их для поцелуя. С трудом оторвавшись от ее уст, Хоссе мечтательно произнес:

– Как ты прекрасна! – потом крепче прижался к ней всем телом. – Неужели ты думаешь, что я мог бы заснуть, когда ты ко мне прикасаешься?

– А почему не можешь?

– Дорогая, когда я чувствую твое тело, я страшно возбуждаюсь, во мне все дрожит и снова разгорается пламя.

– А когда же ты будешь спать? Или как?

– Ну, во-первых, я могу отсыпаться днем...

– Так ведь мы и днем можем быть вместе. Например, завтра – суббота.

– А во-вторых... Тогда придется от тебя отодвигаться и спать на другом краю дивана.

– Ничего! Со временем ты привыкнешь и даже, наоборот, будешь просыпаться, не чувствуя меня! – она произнесла это с полной женской самоуверенностью.

– Да нет, радость моя! – печально вздохнул Хоссе и уверенно добавил: – Не привык и никогда не привыкну.

– Тогда я вообще буду сталкивать тебя на пол! – засмеялась Мария. – Иначе я не смогу уснуть, тебя не обнимая. Ой! – она взглянула на часы. – Мне пора бежать, а ты отсыпайся!

– Да, кстати! – Хоссе удобнее улегся, подложив подушку под голову. – В конце рабочего времени я за тобой заеду и сразу отправляемся на море.

– На чем? – удивилась Мария, останавливаясь в двери ванной.

– Как на чем? На моем авто. Я знаю, он тебе понравится.

– А при чем здесь море?

– Дорогая! У нас в выходные огромная культурная, да и не только, программа. – Глаза его уже слипались, и он говорил, сдерживая зевоту. – Тем более мне надо тебе так много рассказать. Ты ведь помнишь? Я обещал!

«Действительно! – Мария, задумавшись, прошла в ванную комнату. – Обещал. Да и давно пора узнать о нем все, что хочу!»

Все эти дни Хоссе ловко уходил от ее редких вопросов, явно не желая рассказывать ни о себе, ни о своем прошлом. Он только ссылался на то, что еще рановато и что все равно она все узнает в свое время. Если же она начинала настаивать, он осыпал ее поцелуями, и Мария забывала обо всем на свете. Иногда только успевала философски подумать: «А и вправду. Оно мне надо? Мне и так хорошо. О-о-о... как хорошо!»

Но сейчас, стоя под холодным душем, она приняла одно решение. И даже не засомневалась в его правильности. Одевшись и собравшись, она беззвучно вернулась в спальню. Хоссе спал, как ребенок, крепким сном праведника и совершенно не подозревал (ему даже не снилось!), что его собираются обыскивать. А Мария осторожно достала его портмоне, нашла нужные документы и обстоятельно переписала все данные.

Придя на работу, она сразу же зашла к начальнику охраны:

– Дядя! У меня к тебе огромная просьба. Постарайся узнать как можно больше и как можно быстрее об этом человеке. У тебя ведь полно связей, и ты все можешь.

– Что, не выдержал тебя, уже сбежал? – заулыбался дядя Альфонсо, беря у племянницы листок с данными Хоссе.

– Да нет, это я собираюсь сбежать. Только хочу потом знать, где его найти! – пошутила Мария. – Сможешь сделать это к концу работы?

Дядя в задумчивости почесал затылок, потом согласно развел руками:

– Для тебя, красавица, все, что угодно!

И уже в 13.30 на столе у Марии лежал довольно-таки пространственный информатив о жизни человека, так ее интересующего. И в полученной информации было много интересного.

... – Хоссе Игнасио Альрейда. 34 года. Уроженец провинции такой-то (кстати, возле самого моря)... родители тот-то и тот-то... школьные годы... художественная студия (!)... учился там-то... высшая школа Академии искусств (!!), первая персональная выставка (!!!) ... холост... (ну еще бы!), в армии не служил... Здоров... (неплохо!), заядлый курильщик (очень

странно! Неужели не заметила?!)... увлекается волейболом... пишет стихи (ну надо же!)... к судебной и административной ответственности не привлекался (вот и прекрасно!).

Но больше всего Марию заинтересовало последнее сообщение из департамента дорожного движения. Когда она его читала, то перестала дышать, а сердце облилось кровью от сопереживания.

Оказывается, всего лишь за один день до их знакомства Хоссе побывал в жуткой автомобильной катастрофе. На автомагистрали на большой скорости сцепились два огромных грузовика. И в образовавшуюся стальную мясорубку влетел автомобиль Хоссе, видимо, не успевший затормозить перед возникшей на дороге грудой железа. В результате он оказался под одним из опрокинувшихся грузовиков. Примчавшиеся спасатели, став на колени и пригнувшись к самому асфальту, осветили покореженную легковушку и только в отчаянии покачали головами: вряд ли кто-то там остался в живых! И чуть не одурели, когда вдруг услышали:

– Эй, вы, там! Вы будете меня отсюда вытаскивать или думаете, что мне достаточно света ваших фонариков!

Что потом было! Сорок минут понадобилось, чтобы с помощью кранов освободить изуродованный автомобиль, и еще целых двадцать, чтобы разрезать его на куски и вытащить оттуда живехонького человека. Даже опытные спасатели не помнили подобного случая, чтобы в аналогичной аварии не то что не пострадал водитель, а еще и жив остался. А Хоссе во время всей операции еще и подбадривал своих освободителей и даже давал нужные правильные советы. Вырвавшись из металлоломного плена, он по очереди обнял каждого, кто его спасал, слегка пожурил водителей грузовиков, которые почти не пострадали, и, сев в попутную машину, тут же умчался в неизвестном направлении. Отказался даже от медицинского осмотра, сказав, что чувствует себя прекрасно. Мотивируя все это тем, что у него очень много важных дел. Через день даже пришло его письменное подтверждение об отказе в судебном иске, подтвержденное нотариусом, и дело было закрыто.

«Какой ужас! – Мария представила себя между стенками сплющенного автомобиля и похолодела: – Бедненький! Что ему пришлось пережить за этот час!»

Сидящий через стол дядя Альфонсо, как бы прочитав ее мысли, констатировал:

– Везунчик! Что ни говори, везунчик! Да еще и такую девчонку умудрился закадрить! Редкостный везунчик!

В этот момент раздался звонок с входа. Работник охраны, вежливо поздоровавшись, сообщил, что какой-то мужчина просит напомнить ей об окончании рабочей недели.

Дядя выглянул в окно:

– Ого! Классное авто. И белого цвета, как тебе нравится. – Потом взглянул на заматавшуюся Марию: – Да не спеши ты так! Он еще не бежит к машине. – Увидев, что племянница не отреагировала на шутку, безнадежно махнул рукой:

– Все! Влипла птичка!

Мария с удовольствием наблюдала, как Хоссе ведет машину. Он делал это уверенно и с какой-то утонченной артистичностью, не превышая скорость и строго соблюдая все правила движения.

– Ты раньше любил полихачить? – спросила она.

– Ну... Как сказать... Не без того.

Она решила его удивить и спросила напрямик:

– А теперь, после аварии, едешь более осторожно? – Хоссе совсем не удивился:

– Это не из-за аварии, а из-за того, что ты со мной рядом. – А потом удивил ее: – Я вижу, дядя Альфонсо прекрасно справляется со своими обязанностями старого шпиона!

– А ты что, и его знаешь? – воскликнула Мария.

– Пока – нет, но! Обязательно познакомлюсь! Славный мужик!

– Ну, знаешь ли! – она даже возмутилась. – Может, ты какой-то спецгент? А ну давай все о себе рассказывай!

– С удовольствием, дорогая! Но ты знаешь, что отвлекать водителя во время движения не рекомендуется. А есть места, где это категорически запрещено и даже наказывается штрафом. – Он положил ей руку на коленку и нежно погладил.

Мария, в момент расслабившись, спросила поглупевшим голосом:

– Каким штрафом?

– Большим! Огромным... по продолжительности... Поцелуем! – прорычал низким голосом Хоссе.

– Тогда я буду болтать всю дорогу! – сообразила она.

– Не буду возражать, мне очень интересно будет послушать о твоей работе, да и вообще – как у тебя все начиналось.

– Но ты ведь наверняка и об этом все знаешь?

– Знаю, – согласился Хоссе. – Но может быть, не все? Может, я что-то упустил или забыл? Давай так: ты рассказывай и преднамеренно вставляй в рассказ какие-нибудь неточности. Если я их замечу – исправлю. Значит, я о них знаю. Если пропущу – значит, мне это неизвестно. Но тогда уже ты обратишь на это внимание. Договорились?

Марию это предложение заинтриговало:

– Хорошо! Проверим твою осведомленность! – и она начала рассказ. Но сколько ни старалась его исказить, Хоссе замечал малейшие неточности и постоянно ее исправлял:

– Первый раз ты вышла на базар не с самого утра, а почти перед обедом!

– И у тебя было не две рубашки, а одна!

– И купила ее не женщина, а мужчина!

– К тому же буквально за одну минуту!

– А почему ты забыла про купленный для первой швеи новый оверлок?

– Ну, нет! Платья ты стала шить гораздо позднее, месяца через три!

В конце концов, Мария даже расстроилась:

– Мне как-то даже неинтересно тебе рассказывать. Ты совершенно все знаешь! Хочу тебе чем-то похвастаться, чем-то удивить, и ничего не получается.

Хоссе, не отрывая взгляда от автострады, взял ее руку и прижал к своим губам:

– У тебя все получается, дорогая, – сказал он чуть спустя. – Потому что самое большое чудо – это ты и то, что ты существуешь в этом мире. А удивляться тобой я никогда не буду... а буду просто восхищаться! Согласна?

Мария обхватила рукой его за шею, погладила по волосам и прильнула щекой к его плечу:

– Ну, как можно не согласиться с таким поклонением?

Они замолчали. И так проехали оставшуюся часть пути, не проронив ни слова. Мария даже под конец задремала с мыслью о том, что впереди еще уйма времени, целая жизнь, и они успеют наговориться, сколько им захочется.

Проснулась она от легкой встряски, когда автомобиль въезжал с автострады на более старую дорогу. Та вела в небольшой городок, раскинувшийся в долине возле самого моря. Старые, добротные здания чередовались с новыми, многие из которых были построены под старину. Но даже в их линиях сквозила некая легкость и воздушность современного стиля. Все утопало в густых кронах деревьев и буйной зелени, перемежающихся иногда острыми листьями пальм. Многие въезды во двор были покрыты высокими арками, сплошь увитыми виноградом, среди листьев которого уже появлялись первые светлые соцветия, из которых в будущем должны были налиться тяжелые сочные гроздья.

Возле одного из таких въездов Хоссе и остановился, не доехав какой-то десяток метров. Заглушил мотор и, повернувшись к Марии всем корпусом, взял ее руки в свои.

– Дорогая, у меня к тебе есть один важнейший для меня вопрос. – Руки его еле заметно дрожали, а лоб, несмотря на прохладу от работающего кондиционера, покрылся маленькими бисеринками пота.

– Я слушаю, – она попыталась подбадривающе улыбнуться.

– Я хочу представить тебя как мою будущую жену. И поэтому хочу спросить, согласна ли ты выйти за меня замуж?

Мария-Изабель уже примерно знала и предчувствовала этот вопрос. Ее сердце и разум вместе с женской интуицией предполагали подобное. Но все равно – это было неожиданно! Ее даже затосило: внутри все сжалось, спирая дыхание не то от счастья, не то еще от чего-либо, а на глазах выступили непроизвольные, никогда ранее не позволяемые слезы.

Хоссе не выдержал затянувшейся паузы и еще больше занервничал:

– Может... я, что-то... не так?

Мария справилась со своим дыханием и, глубоко вздохнув, сказала сквозь слезы тихим голосом:

– Нет, нет, дорогой! Все хорошо! Просто все так слишком хорошо, что мне не верится! – она смахнула выступившие слезы и увидела лицо Хоссе, выражавшее ожидание, смущение и даже смущение.

– Конечно, я согласна!

Выражение лица Хоссе моментально прояснилось, а глаза прямо-таки засияли от счастья.

– Ура! – с шумом выдохнул он из себя и бросился целовать свою возлюбленную в руки, плечи, шею, щеки, губы, глаза, короче, всюду, куда могли достать его горячие ищущие губы. Мария стала игриво уклоняться, посмеиваясь от удовольствия. Потом у нее вырвалось:

– Можно подумать, ты не знал, что я соглашусь!

– Но, дорогая! – он вмиг посерьезнел, простучал себя легонько по голове. – Одно дело знать! – потом вздохнул, хватаясь двумя руками за сердце. – А совсем другое – делать предложение! Знаешь, как это страшно? – он даже сделал огромные глаза, как бы показывая степень своего испуга.

– Не знаю, не знаю! – засмеялась Мария. – Но догадываюсь! Поэтому в награду за твою смелость награждаю тебя одним поцелуем! – и подставила губки.

– Всего лишь одним?! – капризно возмутился Хоссе.

Она невинно отвела глазки в сторону и промурлыкала:

– Но я ведь ничего не сказала о его продолжительности.

– А-га! – сообразил он, воодушевляясь и притягивая ее к себе поближе. – Тогда приступим!

Поцелуй был очень сладким и очень долгим. И продолжался бы, пожалуй, до бесконечности, если бы не звонкий детский крик, раздавшийся сверху, со стороны мощного каменного забора, обрамляющего усадьбу:

– Дядя Хоссе, дядя Хоссе приехал!

Они смущенно отпрянули друг от друга и пригнулись к лобовому стеклу, высматривая кричавшего. Но успели лишь заметить курчавую шевелюру прыгнувшего вовнутрь сада мальчугана.

– Это мой племянник, Эладио, – объяснил Хоссе. – Огонь мальчишка! Сейчас всех переполошит, сама увидишь, сколько шуму будет, – потом завел мотор, подъехал поближе к солидным металлическим воротам и с помощью пульта дистанционного управления открыл их.

– О! Как здесь все современно! – похвалила Мария. Хоссе в тон ей похвастался:

– Ты знаешь, тут даже радио есть...

– Да ты что?!

– С изображением... цветным!..

– ?!?!

– Телевизором называется!

– О-о-о! – она в восторге закатила глаза. – Невероятно! Какой прогресс! – и они оба от всей души захохотали.

Так и въехали они в огромный двор перед старинным обложенным камнем домом. Веселые, молодые, брызжущие радостью и счастьем. Хоссе, лихо притормозив, выскочил из машины и, проворно ее оббежав, открыл дверь со стороны своей пассажирки.

– Осмелюсь доложить, сеньорита, мы прибыли по месту назначения! – Она церемонно подала руку и, выйдя, обвела все вокруг быстрым взглядом. И тут же шепотом призналась:

– Мне как-то немного неловко.

– Не переживай, – шепнул он тоже ей на ушко. – Это добрейшие и прекраснейшие люди.

А из дома по ступенькам уже спускалось целое семейство родных, близких и, вероятно, даже знакомых. Все наперебой выкрикивали приветствия, каждый пытался первым добраться до Хоссе и поцеловаться. Но раньше всех прилетела худенькая старушка, прильнувшая к груди Хоссе. «Мать», – сразу догадалась Мария.

– Сынок! Ну, куда же ты пропал! – с укором запричитала старушка, осматривая и ощупывая тело своего сына.

– Ничего с ним, мать, не случилось! – подошедший за ней грузный, но высокий мужчина с черными волосами без единой седины хлопнул со всей силы своей ручищей по плечу Хоссе, и они прижались щеками в приветствии. – Твой брат навел панику по поводу твоей аварии, – стал объяснять он. – И мать вот совсем распереживалась.

– А как же не паниковать?! – раздался другой голос, и Мария даже вздрогнула, когда увидела говорящего. Он был копия ее любимого, но уже в следующее мгновение она рассмотрела, что он старше года на три или на четыре. – От машины только обрезанные куски остались. И когда отец сказал, что видел тебя без единого синяка, я даже решил, что это не с тобой произошло!

Они тоже поздоровались. Наперебой подходили другие: сестра с мужем, невестка. Хоссе все никак не мог остановить этот поток приветствий, вопросов и похлопываний. Он в нетерпении взял Марию за руку и поднял свою вторую руку, прося о внимании. Но лишь только все стали затихать, как раздался детский, уже знакомый Марии голос:

– А эта красавица, дядя Хоссе, твоя невеста? – и с детской непосредственностью добавил: – Я видел, как вы целовались!

Все дружно прыснули, давая в себе смех, и только мать Хоссе сразу посерьезнела и стала пристально разглядывать своего сына и стоящую рядом девушку.

– Да! – решительно произнес Хоссе. Все вокруг снова притихли, а он сильнее сжал ее руку. – Зовут ее Мария-Изабель, и она согласилась стать моей женой. Сегодня-завтра решим, когда будет свадьба. Я хочу, чтобы она состоялась здесь. Если, конечно, никто не против? – таковых не оказалось.

Все дружно загалдели и зашумели и также дружно бросились знакомиться и целоваться с Марией. Каждый называл свое имя сам, потом называл степень своего родства или приятельства. Она даже опешила от такого количества новых лиц и имен и успевала только ответить:

– Рада познакомиться, очень рада!

Потом все постепенно потянулись в дом.

– А в честь чего все собрались? – тихо успела спросить Мария.

– Сегодня начинается трехдневный праздник нашего городка, и на него всегда все съезжаются. Вот увидишь – будет очень весело и интересно.

И это было действительно так. Вечер получился чудеснейший. Угощения и выпивка были на славу, а когда Даниель, брат Хоссе, взял гитару и все стали петь, Мария вообще пришла в восторг. Заметив это, мать с гордостью похвасталась:

– Эти песни придумали мои сыновья!

– Ну, мама! – с укором сказал Хоссе. – Здесь вся заслуга принадлежит Даниелю. Ведь если бы не его музыка, не было бы и песен.

– Ты посмотри, какой скромный стал! – вмешался Даниель, объясняя все в первую очередь для Марии. – Раньше, наоборот, говорил: если бы не мои стихи, что бы вы пели на праздниках?

– Ну, раньше я был молодой и глупый! – сразу согласился Хоссе, смеясь. – И мне было свойственно зарываться.

– А сейчас, значит, поумнел?

– Да! – он шутя принял позу мыслителя. – А что, не заметно?

– Заметно. Потому и курить бросил? – вдруг в упор спросил отец. – За весь вечер еще ни одной не выкурил.

– Ну, так... – Хоссе развел руками. – Надо же когда-то начинать беспокоиться о своем здоровье.

– Вот именно! – назидательно вставила мама. – После аварии ты хоть был у врача? Все ли у тебя в порядке?

– Мама! Я совершенно здоров. – Хоссе явно не хотел обговаривать эту тему и попытался перевести разговор в совсем иную сферу: – А фейерверки будут и сегодняшней ночью или только завтра и послезавтра?

Но мать не дала себя сбить с толку и настойчиво продолжала, но теперь больше обращаясь к Марии:

– Ну, сами посудите, побывать в такой страшной аварии! Может, у него там ушибы какие, а то и переломы...

– Мама... – сын снова попытался ее остановить.

– ... Он ведь не признается! Никому не покажет и не расскажет! – сказала она, повысив голос и угрожая маленьким пальчиком своему огромному сыночку. – А вы, дорогая (опять к Марии), ничего не заметили?

Девушка задумалась, а потом честно сказала:

– Да нет! У него все в порядке!

Даниель весело захихикал, за что получил кулаком по ребрам от своей миниатюрной жены, и Мария вдруг осознала подоплеку своего ответа. Так могла отвечать только женщина, детально изучившая тело своего любимого. «Ну и что? – подумала Мария, даже не смутившись. – Он почти мой муж, и мы можем вытворять все, что хотим!» А вслух добавила:

– Конечно! Небольшой осмотр у специалиста ему бы не повредил! – глаза матери засияли благодарностью, зато Хоссе запричитал:

– О! Уже сговорились! Да дайте пожить спокойно! Не люблю я врачей и никак в толк не возьму, что у них делают здоровые люди? И чего мне к ним тащиться? И вообще праздник есть праздник! Давайте лучше споем! Даниель, что-нибудь веселенькое!

И они запели шуточную песню о старом, древнем автомобиле, давно мечтающем уйти на пенсию. Но это ему никак не удавалось из-за всеобщей любви и золотых рук мастеров, его чинивших. Все подхватили припев, в котором уставшая машина, разминая амортизаторы, набирает скорость и вновь летит навстречу ветру, к синему вдалеке морю.

Мария не могла нарадоваться, слушая оригинальные слова и чудесную музыку. Но где-то в глубине ее сознания засела с осуждающим укором мысль:

«Может, я просто самка? Может, ему действительно где-то больно, и он это скрывает? А я ничего не заметила, сосредоточившись только на своем удовольствии? Обязательно буду настаивать, чтобы он прошел хотя бы простейший медицинский осмотр».

Когда все стали расходиться, будущие муж и жена пошли гулять к морю.

– Я знаю одно укромное местечко, – заговорщически шептал Хоссе. – Где можно чудно испугаться без ничего.

- А если кто-нибудь нагрянет? – Он на мгновение задумался:
- Ну и что? Мне как-то все равно! А тебе?
- Мне тоже, – согласилась Мария. – Главное, чтобы ты был со мной!

И они купались! Теплая морская вода приятно обволакивала их сплетающиеся тела и своими потоками и завихрениями обостряла и без того возбужденные чувства. Почти полная луна освещала их купание ласковым серебристым светом, придавая всему вид ирреального и фантастического.

Потом, улегшись между скал на прихваченное с собой одеяло, они соединили уста, и весь мир вокруг вообще перестал для них существовать. Были только два «я», слившиеся воедино, ставшие одним целым, безграничным и необъятным миром сказки и удовольствия, мечты и блаженства, любви и упоения.

Они лежали, отдыхая, когда первые лучи солнца вынырнули из розовых волн и осветили их импровизированное ложе. И тогда Хоссе стал рассказывать. Стал рассказывать странную и нереальную историю-сказку о том, чего не было и не могло быть никогда.

– В некотором царстве, в некотором государстве, в неизмеримой дали и в невероятной близости живут некие разумные существа, саму суть и подобие которых почти невозможно описать здешними понятиями и словами. Но если и попытаться это сделать, то они как бы состоят из знания, разума и памяти. И это краткое определение – совершенно неприемлемое, размытое, неполное и во многом неправильное. Ибо необходимо быть тем существом, обладать его всеми органами, опытом и чувствами и еще бесчисленнейшими параметрами для того, чтобы увидеть или, вернее, ощутить, а может, почувствовать друг друга. Если попытаться дать им имя одним словом, то это будет бесполезно, так как нет в земном языке подобных понятий и определений. Но если попробовать сделать это поверхностно и, скорей всего, в шутку, то можно было бы назвать этих бестелесных духов – «ЗНАЙКАМИ».

Но если отбросить в сторону вопрос об их так называемой внешности, то следующий вопрос возникает о смысле и способе их существования.

Кратко скажу вначале о способе. Есть определенная энергия, пронизывающая все сущее, все Миры и все Вселенные. Именно с ее помощью и существуют вышеупомянутые существа, и именно эта энергия позволяет образовывать новые индивидуумы. Теоретически они бессмертны, но иногда они бесследно исчезают. Существует лишь одна версия по поводу их исчезновения или, возможно даже, смерти. Но сейчас это неважно, и я расскажу об этом попозже.

Теперь о смысле. В основном он заключается в накоплении знаний, сборе различной информации и изучении бесчисленного количества миров. Возможности для этого у Знаек поистине безграничны. Хоть и есть маленькие, коварные исключения, исходящие из самой сути все питающей и творящей энергии. Например, Знайка может находиться в любом мире и исследовать его примерно не более трех лет и только один раз. Один-единственный раз! После этого он обязан передать полученную информацию как можно большему количеству себе подобных и после продолжать действовать по своему усмотрению где угодно, но только не в предыдущем мире.

Еще одно ограничение. Хоть исследователь и может это сделать, но для него очень опасно воплощаться в чужой разум, ибо тот может оказаться «гитодуальным». То есть с более сильной волей и подавить волю и способности вторжителя, и тот останется существовать в каком-то уголке мозга или сознания своего «носителя».

Единственное в этом случае вмешательство, которое можно осуществлять на разум носителя, так это на глубоком подсознании, прививая незаметно свои взгляды, особо ценные мысли и задавая незаметно на первый взгляд изменения в характере и образе действия. Носитель, как правило, уже никогда не будет жестоким, будет всегда придерживаться справедливости и до конца дней своих будет стремиться ко всему прекрасному и высокому. Можно, например, постепенно привить носителю мысль покорить полюсы? и он это сделает, достичь наивысшей

точки планеты, и тот будет к этому стремиться. Можно заставить его полюбить цветы, и он станет заядлым цветоводом; можно заинтересовать жизнью наших «меньших братьев», и он будет участвовать в движении «За защиту животных». Но никогда при этом носитель даже не догадается, что эти стремления и мысли навязаны ему чужим разумом. А когда носитель умирает, вырывающийся на свободу разум впитывает все его знания, чувства и пережитое, и умерший как бы становится частью всего сознания Знайки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.